

ДЖЕЙМС ДЭШНЕР

ЧИТАЙТЕ ДОЛГОЖДАННОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА
«БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ»!

БЕГУЩИЙ В ЛАБИРИНТЕ

РАЗРЕЗАЮЩИЙ ЛАБИРИНТ

Бегущий по Лабиринту

Джеймс Дэшнер

Разрезающий лабиринт

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дэшнер Д.

Разрезающий лабиринт / Д. Дэшнер — «Издательство АСТ»,
2022 — (Бегущий по Лабиринту)

ISBN 978-5-17-150383-3

Со времен битвы отважных глэйдеров с ПОРОКОМ прошло 73 года. Потомки Томаса, Минхо и других героев Лабиринта живут на островах, занимаются натуральным хозяйством, разводят овец, ловят рыбу, работают в кузнице. Но однажды из внешнего мира, оставшегося в памяти лишь в виде пугающих легенд, прибывает корабль. На палубе разбросаны трупы, а единственный выживший член команды обращается к островитянам с просьбой о помощи. Нескольким подросткам, в чьих жилах течет кровь предков-глэйдеров, предстоит отправиться в путешествие. Если бы они только знали, с кем и с чем им предстоит столкнуться...

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-150383-3

© Дэшнер Д., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава первая	8
1	8
2	10
3	12
Глава вторая	14
I	14
2	15
3	15
4	16
5	17
6	18
Глава третья	20
I	20
2	21
3	23
4	25
5	26
6	28
Глава четвертая	31
I	31
2	32
3	33
4	33
Глава пятая	36
1	36
2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джеймс Дэшнер

Разрезающий лабиринт

James Dashner

THE MAZE CUTTER

© James Dashner, 2022

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Посвящается Марисе Корвисьеро. Агенту, другу, спасительнице.

И даже когда в голове сгущается тьма, расползаясь чадными завитками черной гнили, когда я вдыхаю смрад умирающего мира, а кровь в моих жилах превращается в кипящий пурпур, я нахожу утешение в одной мысли. У меня были друзья, а у них был я. И это главное. Это единственное, что важно.

Книга Ньюта

Пролог

Голоса из праха

Томас нашел дневник через три недели после конца света. И до сих пор был удивлен. Как? Когда? Когда и как? Когда успел его друг все это написать, как эти страницы оказались в одной из нескольких коробок, отправленных с помощью Плоспера еще до того, как совершили переход Томас с друзьями? Конечно, это сделала Ава Пейдж, которая всегда занималась такими вещами. И опять же: как, когда? Два слова вертелись в голове, словно назойливые гости, не желающие уходить, хотя вечеринка давно закончилась.

Томас сидел на любимом выступе любимого утеса, разглядывая бесконечный океанский простор. Чистый морской воздух чуточку отдавал рыбой и сладостью разложения. Мелкие прохладные брызги щекотали кожу, нагретую стоящим в зените солнцем. Томас закрыл глаза, чтобы не видеть вездесущей линии горизонта, из-за которой казалось, что ты застрял на Луне. Или на Марсе. В другой галактике. На небесах. В преисподней. Какая разница? Он поерзал на краю скалы, устраиваясь поудобнее, и свесил ноги над грохочущей черно-синей бездной, вдали от всего остального мира.

Конечно, здорово. Никто не спорит. Но то, что удалось избежать болезни, сумасшествия и гибели, не уменьшало грусти от потерь.

Мысли вернулись к дневнику. Томас открыл глаза и взял покоробившуюся, испачканную тетрадь с полки из песчаника, словно специально выточенной резцом времени для священного артефакта. Именно так: священного артефакта. Осторожно раскрыв лежащую на коленях книгу, он пролистал страницы, густо исписанные неровными детскими каракулями. Слова уползали то вверх, то вниз, сила нажатия менялась, штрихи становились все толще, а буквы – разнокалибернее... Каждая новая страница воочию представляла то, что с душераздирающей ясностью показывало содержание записей: его лучший друг постепенно погружался в полное, ужасающее безумие. В конце дневника оставалось около тридцати пустых страниц, а на последней было яростно нацарапано огромными буквами одно слово: ПОЖАЛУЙСТА.

«Господи, Ньют, – подумал Томас. – И так тошно. К чему весь этот бесконечный ужас? Какого дьявола ты не только это написал, но и позволил, чтобы дневник попал в руки Авы Пейдж? Зачем?»

Несмотря на одолевавшие его тяжелые мысли, Томас любил этот дневник, эту книгу. Хотя слова друга причиняли боль, они все же помогали увидеть полную картину – холст, на котором написана часть жизни Ньюта. Чтобы запомнить. Чтобы запомнили дети. Музейный экспонат с воспоминаниями, хорошими и плохими. Для потомков.

Томас пролистал страницы и выбрал одну наугад. Правда, он сжульничал и вернулся слишком далеко в начало, когда симптомы Ньюта только начали проявляться. Никто точно не знал, когда Ньют начал писать, потому что он не ставил дат и не описывал конкретных событий. Но сейчас Томас читал описание дня, когда они оставили друга в берге, а сами отправились в Денвер. Томас впитывал, смаковал каждое слово.

«Чувствую себя последним мудаком, но надо отсюда валить. Не могу больше. Люблю их. Больше, чем кого-либо в жизни. Ясное дело, потому что не помню родителей. Только мне представляется, что такой и должна быть семья. Да, семья: Томас, Минхо, все. Не могу больше с ними оставаться, ни дня. Я подыхаю, и это не какая-нибудь дурацкая шутка. Я задолбался. Больше не могу. Меня для них нет. Все кончено. Смерть. Хватит уже возиться с этим дневником, надо написать записку».

Томас закрыл дневник и вернул на импровизированную полку. Лег на бок, поджав ноги и положив руку под голову, и устался на безбрежную поверхность моря, простиравшуюся до

немыслимых пределов, куда хватало глаз. Там, в волнах, в холодной глубине, живут миллиарды существ, не ведающих, что такое шизы, пустыни и лабиринты. Плавают, ищут еду; видимо, их мир тоже пострадал от солнечных вспышек, опустошивших землю, хотя, судя по всему, выздоравливает значительно быстрее. Рано или поздно природа залечит свои раны.

«А вот как насчет людей? – задумался Томас. – Что будет с нами?» И вдруг, хотя его глаза были широко открыты и смотрели на бескрайние океанские просторы, он увидел лица друзей. Ньют. Тереза. Алби. Чак. Столько загубленных жизней...

«Прекрати ныть! Хватит думать обо всей этой чуши, хотя бы сегодня».

Он встал, схватил дневник Ньюта и пустился вниз по тропинке, петляющей вдоль скалы и ведущей к новому Глэйду. Поляна пока не отличалась большими размерами, но когда-нибудь... Людям только дай шанс.

– Эй! – крикнул кто-то сверху. Фрайпан. – Я придумал новый способ готовить эту чертову рыбу!

Томас уже слышал ее запах.

Часть первая

Семьдесят три года спустя

«Странная штука – терять то, что любишь. Я часто задумываюсь о потерях. Если бы я мог вернуться в прошлое, в далекие годы детства, и некое волшебное, сверхъестественное существо показало мне будущее и предоставило возможность выбора, что бы я предпочел? Если бы эта божественная сущность открыла мне две главных утраты в моей жизни и позволила избежать только одной, что бы я выбрал?»

Что ты выберешь, Ньют, – сказала бы это небесное существо, – разум или друзей?

Теперь я знаю ответ:

– Какая разница?»

Книга Ньюта

Глава первая

Тройственный ужас

1

Александра

Александра Романов стояла на балконе своего дома на Аляске и смотрела на город, мерцающий в темноте желтыми огоньками газовых фонарей в окнах и на углах улиц. На безоблачном небе сияли звезды, пронизывающие тьму крошечными световыми копьями. Чистый прозрачный воздух обнимал ее за плечи, садился теплым невидимым туманом на волосы, на одежду и кожу. Она глубоко вдохнула, любуясь с высоты птичьего полета тихим, безмятежным пейзажем, раскинувшимся внизу.

Ее мир. Аляска. Существовали и другие... другие миры. Остатки нации где-то на просторах Небраски. И сумасшедшие врачи в Калифорнии, которые делали вещи, не приемлемые для здравомыслящих людей. Но все это пока далеко. Аляска принадлежит Александре.

Ничего, что приходится делить ее с другими. Николас. Михаил. С Николасом и Михаилом. Она считала Аляску своим единоличным владением. Упивалась властью, словно все это принадлежало ей одной. Вероятно, когда-нибудь так и будет. А пока надо оттачивать навыки Эволюции и, возможно, исподволь ослаблять остальных, время от времени перекладывая на них груз своей ужасной цели. На террор отвечать террором. На трагедию – трагедией.

Правду говорят, беда не приходит одна. Смерти, землетрясения, торнадо часто случаются по три подряд. Она знала в жизни только один «комплект» тройняшек, но эти детишки были настоящими исчадиями ада. Александра до сих пор с содроганием вспоминала их пронзительные вопли в ночь Эволюции. Покончила с этими дикими криками не она, хотя, если честно, была как никогда к этому близка. А какое невероятное облегчение она испытала, когда наступила благословенная тишина!

С незапамятных времен известно: все страшные трагедии приходят по три. Их тоже было трое: превращенное Божество, способное мгновенно осмыслить слова, сказанные за всю жизнь; управляющее своими чувствами, как машина; вся эта физиология, химикалии, эндорфины; умственный потенциал вселенских масштабов, позволяющий впитывать весь свет и знание.

Они эволюционировали, в этом не может быть никаких сомнений. Тем не менее Александра отлично осознавала, что превосходит остальных двоих, вместе взятых. А пока их трое.

В мозгу пронеслись воспоминания, все одновременно. Вспышка, ее многочисленные разновидности, настройка мозга на исправление неисправимого. Возможно, все это было неспроста – тысячелетия ужасающих троек, готовившие человеческий род к тому, что зародилось и появилось на свет ради искоренения всего этого ужаса – любыми путями, любыми средствами.

Божество.

Ей дьявольски повезло.

– Богиня Романов?

Проклятье. Она надеялась, что можно будет потянуть время. Ни минуты покоя. Отвернувшись от городских красот, она встала лицом к мужчине, назвавшему ее имя. Высокий, долговязый – ходячее дерево. Александра подсознательно удивлялась, что его суставы не трещат и не ломаются при каждом шаге.

– Что такое, Флинт?

Помощника звали иначе, ей просто хотелось называть его так. Это его... как бы принижало, и Александру это устраивало. Даже очень.

– Произошел сбой в ротации паломников.

Его голос скрипел, как несмазанная телега.

– Вот точные цифры, но к утру мы будем отставать как минимум на восемь процентов во всех районах города.

Александра внимательно изучала своего подчиненного, используя все знания, полученные при помощи Вспышки. От нее не ускользнуло ни единое движение мышц, глаз, даже самое незаметное. Главного, ради чего пришел, он так и не сказал.

– Выкладывай, Флинт. Что, черт возьми, случилось?

Он смущенно моргнул, затем испустил смиренный вздох, осознав, что темнить бесполезно, поскольку для Богини его лицо – открытая книга.

– В красивых ямах убиты семеро паломников. Это сделано... с жестокостью.

– С жестокостью?

– С чудовищной жестокостью.

Он медленно поднял планшет и папку с бумагами, как будто собираясь найти там информацию, но отказался от этой идеи и опустил руку.

– Четверо мужчин. Две женщины. Один ребенок. Мальчик. Их...

– Выпотрошили, – перебила она. – Выдолбили изнутри, не так ли?

Мужчина слегка побледнел.

– Да, Богиня. Надо сказать, сделали это мастерски. Вычистили. Ээ... внутренностей нигде не нашли. Остались только голые ребра.

– Будь он проклят, – с трудом сдерживая гнев, прошептала Александра.

Она прошла по цифрам, повторила точную математическую последовательность, которая помогла обрести душевное спокойствие, заставляя мозг выпустить необходимые химические вещества.

– Ты знаешь, где он?

Флинт отлично понимал, о ком она говорит: Александра читала по его глазам так же легко, как он – по графикам и таблицам, которые всегда носил с собой. Она знала, что у него перед глазами стоят эти несчастные жертвы – расплосованные сверху донизу люди, из которых безжалостно и хладнокровно вынули их жизненную суть. Кровь, смрад, ужас... Это мог сделать и не слететь с катушек только один человек. Оба уже пришли к единственно верному заключению.

– Гм... думаю, он ушел в... – Флинт кашлянул, чувствуя неловкость, что приходится передавать столь личную информацию об одной части Божества другой.

Александра шагнула ближе и застыла, как соляной столб, затем посмотрела прямо ему в глаза, применяя технику оптического гипноза.

– Говори, где он.

Повелительная интонация довершила дело.

– Михаил ушел в Глэйд, – обреченно кивнув, произнес Флинт.

Александра пыталась подавить шок, но впервые в жизни забыла правила Вспышки. Мощная волна гнева затмила разум, и на мгновение мир вокруг перестал существовать. Зачем? Зачем Михаил сделал это сейчас? Она с трудом удержалась от крика, выставив перед собой руку, словно голос можно было блокировать, как удар. Ярость утихла, зрение вернулось.

По щеке Флинта тянулась красная царапина: кожу разрезали ее собственные пальцы с накрашенными ногтями. Как не стыдно: нужно лучше себя контролировать.

Она посмотрела в перепуганные глаза несчастного помощника.

– Заклей пластырем, скорее. Если Михаил в Глэйде, надо спешить.

2

Айзек

Клац.

Клац.

Клац.

Айзеку часто снился этот неприятный звук – постоянное, неумолкающее, чертовски надоедливое клацанье, которое находило всевозможные способы проникать в его кошмары. Началось все с птицы – черной, растрепанной, восседавшей на деревянной изгороди, что окружала участок Фрайпана на северной стороне острова. Острый клюв существа открывался и закрывался через одинаковые промежутки времени, каждый раз издавая лязганье, напоминающее лай механической собаки.

Затем оно превратилось в гигантскую машину из старого мира, о каких Айзек не раз слышал на посиделках у костра, насколько он ее себе представлял. Машина называлась бульдозером, и по какой-то необъяснимой причине она безрезультатно пыталась перепахать гору неподвижных металлических деревьев, сверкающих серебром. Неутомимый бульдозер с лязганьем пробирался вперед, выставив перед собой гигантский помятый ковш. Затем на фоне темного звездного неба вырос человек – безглазый, безволосый, с половиной носа и одним ухом. И хотя трудно было разобрать в таком тусклом свете, его кожа блестела ручейками крови, сочащейся из дюжины ран. «Ну и уродец», – подумал Айзек.

Когда мужчина хотел заговорить, с его губ сорвался лишь тот же самый звук.

Клац.

Клац.

Клац.

Горло урода вздувалось при каждом щелчке, как будто он проглотил сливу и хотел ее выкашлять.

За его жизнь на острове Айзеку снилось больше кошмарных снов, чем можно сосчитать на пальцах рук и ног, но этот пробирал до костей. Он проснулся со сдавленным воплем, напоминающим то самое клацанье из кошмарного сна.

Хуже того, звук не прекращался. Рывками приходя в себя, он кое-как встал с кровати, прошел, будто зомби, к окну и выглянул наружу сквозь шторы, сшитые отцом по крайней мере десять лет тому назад.

День был хмурый, над островом нависли печальные светло-серые тучи. В воздухе бесформенными ватными хлопьями висел туман. За домами на восточной стороне острова, внизу у пляжа, кто-то чертовски громко колотил гигантским молотком по раскаленному железу.

Кузница.

Айзек любил кузницу. Ее построили на берегу, чтобы постоянный приток крепкого ветра помогал поддерживать огонь. Айзек не совсем понимал, как эту штуку, что добывают в скалистых горах, превращают в расплавленный красный камень, да и какая разница? Его увлекало дальнейшее – что за этим последует. Он любил жар, сияющее в глубине багровое пламя, раскаленные добела слепящие искры. Любил запах озона и горящих углей, дым, звон металла.

Да. Он хотел стать кузнецом и обучался у Капитана Спаркса уже без малого месяц. Пока что никто, кроме него, не называл Родриго этим нелепым именем, однако Айзек поставил себе цель: к зиме прозвище должно закрепиться. Оно казалось полным глубокого смысла, и никто не мог убедить Айзека в обратном.

На сегодняшней выходной у него имелись кое-какие планы. Миоко, Доминик, Триш, Садина и еще несколько друзей собирались доплыть на байдарках до мыса Стоун-Пойнт, чтобы посмотреть пещеры и попрыгать со скал. Доминик не упустит возможности раздеться догола и плюхнуться животом в воду с утеса, который называют Бровью Мертвеца, вызвав всеобщее бурное веселье. Пропустив такую тусовку, Айзек перестанет себя уважать. Кроме того, после третьего за пять лет утопленника Стоун-Пойнт находился под запретом, и Айзек еще ни разу там не бывал, что делало поход еще привлекательнее. В своем роде.

Ни один из этих убедительных доводов не уменьшил его зуд. Ровный и ритмичный, словно биение железного сердца, звон влек Айзека в кузницу с такой силой, будто его тащили на веревке. Он любил наблюдать, как работает Капитан Спаркс, и перспектива грести несколько часов, а потом плавать и прыгать со скалы вдруг показалась ему скучной и утомительной. Точно старый моряк, поддавшийся сладострастному зову сирен, – история, которую рассказал ему однажды у костра дедушка, невзирая на протесты остальных, – Айзек быстро оделся, вышел из юрты и поспешил на зов огня и расплавленного металла.

Собственная юрта. Он до сих пор к этому не привык. У него есть своя юрта, однокомнатное жилище, в каких живет большинство людей на острове, кроме безумцев, которые решили завести больше двоих детей. Прожив в собственноручно построенной юрте каких-то три месяца, Айзек все еще гордился своим достижением.

Солнце растопило туман и прогнало облака. Куда ни глянь, сновали по своим делам люди: по пути на фермы, в магазины, на мельницу, на склад или на рыбалку. В большинстве своем они были слишком заняты, чтобы обратить внимание на юношу, чуть ли не бегущего в сторону пляжа в выходной день. Правда, ему помахал мистер Джерри – старик с гигантскими бровями, похожими на ключья гребенной шерсти, а чуть дальше подмигнула миз Ариана – безобидный жест для женщины, которая родилась на острове всего через год после Плоского перехода, одной из первых. Ее серебристо-седые волосы и морщины вокруг глаз неизменно наводили Айзека на мысль о бабушке из сказки о Красной Шапочке.

– Что за спешка, мальчик? – крикнула с газона старушка, державшая в руках местную газету, которую доставляла каждый день его подруга Садина. – Где-то пожар? Я что-то пропустила?

– Есть кое-какая работа в Кузнице, – ответил Айзек, замедляя ход, чтобы отвесить небольшой изящный поклон и помахать рукой. – А вы чем сегодня занимаетесь? Идете на свидание со стариной Фрайпаном?

Она издала победный крик.

– Пусть мечтает дальше! Этот бездельник понятия не имеет, как ухаживать за приличной женщиной!

Айзек преувеличенно громко расхохотался, взмахнул на прощанье рукой и перешел на галоп.

– Беги, мальчик! – крикнула миз Ариана. – Беги как ветер!
До чего классная старушенция!

3

Минхо

Сирота стоял прямо и неподвижно за парапетом крепостной стены – винтовка на плече, ствол направлен в затянутое облаками небо. Как и во многие другие дни за последних одиннадцать лет, он смотрел на бесконечные поля, служившие безводным рвом вокруг его родины. Эта земля давно умерла, все живое и растительность погибли, и ничто не загоразивало обзор. Вокруг расстился пустырь, голый и серый, кладбище без надгробий – безбрежное, как океан.

Имени у Сироты не было.

В тридцати футах к северу стояла такая же безымянная статуя. Плечи расправлены, голова обрита, тело обтягивает артиллерийский костюм. Буквально человек-ракета. А в тридцати шагах к югу маячил третий Сирота. Последний не стоял, а сидел на металлической башне, на орудии такой огневой мощи, что оно могло разрушить всю стену, на которой само же и покоилось. У этого Сироты тоже не было имени.

Во всяком случае, так им говорили всю жизнь. С тех пор как они родились и их забрали у матерей, заболевших Вспышкой. Сирота явно не мог этого помнить, только каким-то образом знал, что его проверяли всеми доступными способами, вдруг он тоже заражен, а потом держали на карантине пять лет, вместе с ему подобными, пока он рос, учился, тренировался. Потом снова проверки. Это он уже помнил, хотя день, когда пришли результаты, вспоминался, как в легком тумане. Впрочем, результаты оказались отрицательными. Иначе его бы уже не было. Бросили бы в яму, как мать, и сжигали сто дней.

Хотя у Сироты не было имени, его звали Минхо. Конечно, он не мог сказать об этом ни одной живой душе. Ни разу в жизни никто не назвал его Минхо. Если Несущие Скорбь смогут прочесть его мысли и узнать, что он проклял свое призвание в жизни, присвоив имя, ему грозит мгновенная расправа. Без суда и следствия. Значит, надо хранить секрет. Он крепче перехватил винтовку, сжал губы и вздохнул, цепляясь за единственное, что знал.

Его зовут Минхо.

Несмотря на все усилия Остатков нации, среди Сирот ходили слухи о том времени, когда по Земле распространилась Вспышка, практически погубившая человечество. Никто не мог толком понять, какие из этих историй правда, а какие – просто легенды. Наверное, как и всегда, истина лежала где-то посередине. Сказки о ПОРОКе и шизах, об исцелении, о героизме и подлости. Рассказы о Лабиринте и о тех, кому удалось из него сбежать. Большая часть историй представляла собой мутный налет на стекле, в котором невозможно уловить хоть какой-то смысл. Лишь одна стояла особняком; из этого рассказа об отчаянной храбрости Минхо взял себе тайное имя.

В собственном воображении он выглядел точно таким, как Минхо из легендарных глэй-деров, точно так же мыслил и говорил, мечтал и боролся. В глубине души он считал себя достойным этого имени.

Минхо.

Однако храбрость храбростью, а имя должно до поры до времени оставаться тайной.

Тишину нарушил глубокий баритон рожка, донесшийся от ближайшей сторожевой башни, воздух задрожал медной вибрацией. Задумчивое настроение Сироты уступило место натренированной бдительности. Он переступил с ноги на ногу, встал на колени у низкой стены парапета и зафиксировал винтовку на верхнем краю. Задержав дыхание, согласно литании для

успокоения, которой учили с пятилетнего возраста, он вглядывался в далекие плоские поля, ожидая того, о чем предупредили со сторожевой башни.

Прошло несколько минут. Ничего, кроме пыли, болота и гниющей растительности на много миль вперед. Терпение. В этом Сироты могли дать фору кому угодно.

На горизонте появилась быстро приближающаяся фигура, и вскоре Минхо разглядел достаточно, чтобы принять решение. Человек, на лошади. В лохмотьях, безоружен, волосы развеваются во все стороны бешеным клубком тощих змей. Всадник мчался прямо к Минхо. За полкилометра незнакомец перевел скакуна на рысь, затем на шаг, а метрах в восьмидесяти остановился. Мужчина поднял руки, наверняка зная, какое смертельное оружие на него нацелено, и закричал:

– Я не заражен! Я прошел проверку и сидел на карантине шесть месяцев! Никаких симптомов! Клянусь! Я останусь здесь, пока ты не убедишься, что я здоров!

Минхо слушал незнакомца, хотя его слова не имели смысла. Ни малейшего. Исход этого сценария, как и всего, что происходило в городе под управлением Остатков нации, был давно предрешен. Вспышка – их дьявол, Исцеление – Бог. Он приготовился, осознавая, что еще долго не наберется смелости нарушить установленный порядок.

– Пожалуйста! – взмолился мужчина. – Я так же здоров...

Громкое эхо от выстрела разнеслось во все стороны.

Незнакомец свалился с лошади и упал в грязь. Из новой дыры в его голове поднималась тоненькая струйка дыма. Еще один выстрел, и животное тоже упало.

Минхо вдохнул запах пороха, гордясь точностью прицела и одновременно сожалея, что пришлось стрелять.

Сирота встал, вытянулся по стойке смирно и приставил к плечу винтовку, как делал уже одиннадцать лет. Имени у Сироты не было.

Глава вторая Поход

I Айзек

– Ну уж нет!

Айзеку осталось преодолеть каких-то двадцать метров до забора, окружавшего кузницу, как вдруг на его пути встала старая подружка Садина – словно из-под земли выросла. Нет, она не устраивала сцен, не упирала руки в бока и не грозила укоризненно пальчиком. Просто нахмурила лоб, а остальное сказала глазами. Все прекрасно знали, что эти черные глазищи обладают колдовской силой. Айзек остановился, иначе они столкнулись бы лбами.

– Привет, – сказал он, лихорадочно подыскивая оправдания.

У него чуть не потекли слезы, и не только потому, что запахи озона и древесного дыма выедали глаза. Он неистово любил это место, где рождались всякие интересные вещи.

– Нет, милый, сегодня продинамить не выйдет, – заявила Садина голосом не менее твердым, чем железные прутья, остывающие в баках с водой в кузнице. – Через месяц-полтора похолодает, и тогда уж точно у всех будет кишка тонка поплыть на Стоун-Пойнт. Сегодня или никогда, ты там еще не был, и ты плывешь с нами.

Она улыбнулась, чтобы смягчить властный тон, но отступить не собиралась.

– Я? В Стоун-Пойнт? – спросил он.

– Стоун-Пойнт или смерть. Выбирай.

Айзек бросил почти испуганный взгляд через ее плечо на кузницу. Это и вправду ни в какие ворота не лезет. В свой законный выходной он должен наслаждаться отдыхом, как все нормальные люди. Только вот с водой у него были своеобразные отношения, и остальные ребята наверняка... Он прогнал эту мысль. Кузница превратилась в единственное спасение от трагедии, которая произошла с его близкими, и нужно найти другое.

– Мне всего лишь хотелось, чтобы ты меня упрасивала, – нашелся наконец он.

– Размечтался, – притворно хихикнула она. – Мне просто нужен человек, который боится скал еще больше, чем я. Чтобы не иметь бледного вида.

– Спасибо, что пришла за мной, – неожиданно для самого себя сказал Айзек. – Ну, ты понимаешь, о чем я... Спасибо.

Он ожидал язвительного закатывания глаз, но девушка только сказала:

– Давай, чувак. Если ты просидишь целый день в своей кузнице, нам будет не так весело. Во всяком случае, мне.

Айзек на миг потерял дар речи и наконец вспомнил о том, о чем старался не думать с той самой секунды, как проснулся от кланья. Этот всплеск эмоций не имел ничего общего с Садиной – ради всего святого, у нее есть подруга, и у них все серьезно! Просто доброта девушки напомнила о трагедии, после которой прошло несколько месяцев, о настоящей причине, почему он так отчаянно стремился получить тяжелую работу в кузнице. Грохот, жар, шипение раскаленного металла, тяжелый физический труд до седьмого пота отвлекали от горестных мыслей.

– Ты знаешь, что мы все тебя любим, – сказала Садина. – И хотим, чтобы ты сегодня пошел с нами. Все остальное к черту. Мы пойдем и будем делать, что захотим: веселиться, плакать или смеяться. Но клянусь стариной Фрайпаном, скучно не будет.

Айзек кивнул, вновь лишившись дара речи от нахлынувшей благодарности. Садина, видимо, поняла, что словами делу не поможешь, и заключила его в объятия. А потом взяла за руку, улыбнулась и потащила прочь от кузницы, извергающей в небо черный столб дыма.

2

По мере приближения к северной части острова шум океана нарастал. Огромные высокие волны поднимались среди крутых утесов и с ревом разбивались о скалы, наполняя воздух белыми брызгами. После каждого удара на черных скалах появлялись и тут же пропадали, растекаясь маленькими лужицами, сотни крошечных водопадов. Эта безумная красота никогда не приедалась, и у Айзека при виде нее сжалось сердце. Мамино любимое место на всем острове, да если уж на то пошло, то и на всем белом свете.

Когда они вышли на тропинку, вьющуюся с вершины утеса в разные увлекательные места, навстречу приключениям, он так и держал Садину за руку. Их подруга Триш уже дошла до первого поворота серпантина, однако когда Садина окликнула ее по имени, развернулась и побежала обратно. Девочки обнялись, поцеловались и обратили внимание на Айзека. Он присоединился к объятиям и почувствовал на щеках девичьи поцелуи. Около минуты все молчали.

На тропинке неожиданно возник Доминик – словно из-под земли вынырнул.

– Что за оргия, любвеобильные вы наши? – возмутился он. – Мне отвернуться?

Доминик всегда говорил вещи, которые могли бы восстановить людей против него, но то, как он это делал, смягчало удар. Айзек хотел бы этому научиться. Доминик пользовался всеобщей любовью, несмотря на то, что постоянно всех оскорблял.

– О, привет, Мудоник, – отозвалась Триш.

Она никогда не упускала возможности назвать приятеля ужасным прозвищем; Айзек подумал, что у этого никнейма не больше шансов закрепиться, чем у «Капитана Спаркса» для кузнеца. Что касается Доминика, тот мудро притворился, что не расслышал.

– Приветик, Триш. Привет, Садина, Айзек.

Он кивнул каждому, но когда остановил взгляд на Айзеке, в глазах мелькнула озабоченность. К его чести, мелькнула – и исчезла. Айзек сейчас меньше всего нуждался в жалости.

– Всегда рад тебя видеть, – сказал Айзек, безуспешно пытаясь подыграть товарищу.

– А уж я как рад! – закатил глаза Доминик.

– А где байдарки? – спросила Садина.

– Миоко вытащила их на дорожку, – ответила Триш. – Я должна была ей помочь, только... Надеюсь, она не упала и не сломала себе шею.

– Угу, – ответила Садина. – Пойдемте.

И они пошли.

3

Миоко спустила лодки до полпути и выбилась из сил. Пять байдарок были связаны толстым шпагатом, и тропа шла вниз по склону, но в одиночку все равно было непросто.

– Вы, ребята, надеялись, что я сделаю все сама.

Это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

– Естественно! – ответила Триш. – Эх, подождали бы еще минут десять!.. Век живи – век учишься.

– А где остальные? – спросила Миоко.

Садина говорила Айзеку, что будет еще Карсон и несколько ребят с западного берега. Всего получалось десять человек, по двое на байдарку.

– Наверное, уже внизу, – ответила Садина. – Или опаздывают, как обычно. Какая на фиг разница. Давайте уже спустим лодки, а то стемнеет, пока доплывем.

– А у меня зуб разболелся, – сообщил Доминик.

– При чем тут зуб? – возмутилась Триш.

– И мне надо отлить.

Айзеку надоело все это выслушивать, он схватился за шпагат и потянул.

4

Прошел час. Он постепенно оправился от потрясения. Когда Садина не пустила его в кузницу, Айзека внезапно накрыла мучительная правда о своем бегстве, вместе с воспоминаниями о том, что ему предшествовало. Пока спускали байдарки на воду, готовили к плаванию, шутили и болтали, он пришел в себя.

– Чувак, – обратилась к Доминику Триш, – я думала, ты хотел сделать пи-пи.

Доминик занял переднее место в одной из байдарок и сидел, как послушный ученик в ожидании учителя.

– Перехотел, – весело ухмыльнулся он.

– Ты понимаешь, что океан – не туалет?

– Думаю, рыбам нравится человеческая моча. Она добавляет бульону пикантности.

– Ха, я и забыл о высоком интеллектуальном уровне бесед, которые обычно ведут жители восточного побережья.

Это сказал Карсон, прибывший несколькими минутами раньше со своими друзьями с западной части острова. Мускулы у этого гиганта вздувались даже в тех местах, где Айзек не предполагал их существования. Карсон выглядел чуточку непропорционально, как будто слишком накачал некоторые части своего тела, а затем начал подгонять под них остальные. В день, когда все окажется как нужно, в полной гармонии, его кожа, наверное, взорвется от напряжения, и он умрет, превратившись в кровавое месиво.

– Нам жутко тебя не хватало, – указала Садина на его бицепсы, – когда мы тащили эту хренотень с утеса.

– Да, извините. У Лейси схватило живот, пришлось ее дожидаться.

Миниатюрная, как Дюймовочка, но сильная духом Лейси стукнула Карсона кулаком под дых.

– Хочешь сказать, я это выдумал? – со смехом простонал он, потирая место удара.

– Нет, только не обязательно об этом всем рассказывать, пустомеля.

Компания захихикала. Все знали, что Лейси принципиально не использует традиционных бранных слов, поскольку считает, что это говорит о необразованности. Зато ее бабушка вел кое-какие записи о тех временах, когда общался с бывшими глэйдерами; туда входил список сленговых слов и выражений, исчезнувших за десятки лет. Лейси изо всех сил старалась их возродить. Никто понятия не имел, почему это так веселит окружающих.

– Больно же, Лейси, – сердито сказал Карсон. – Прямо в солнечное сплетение.

– В следующий раз буду целиться ниже.

– Ну конечно!

Триш нетерпеливо хлопнула в ладоши. Она держала на изгибе локтя двухлопастное весло, и ей явно не терпелось отправиться в путь.

– Давайте, ребята. Жаль прерывать вашу увлекательную беседу о естественных потребностях Доминика и Лейси, но как насчет того, чтобы сесть в чертовы лодки и наконец поплыть в Пойнт?

Раздались одобрителы крики и даже аплодисменты. Айзек тоже похлопал. Собралось десять человек – все, кого пригласили. Айзек, Садина, Триш, Доминик и Миоко с востока,

Карсон, Лейси, Борис, Джеки и Чен с запада. Айзек плохо знал ребят с той стороны острова, однако они не вызывали у него отрицательных эмоций. Борис – тихий, задумчивый паренек с короткой стрижкой и огромными ушами. Айзек никогда в жизни не видел такой темной кожи, как у Джеки, и таких густых длинных волос, заплетенных в толстую косу. Чен – задорный, шумный, всегда полон жизни, несмотря на почти болезненную худобу и визуальное отсутствие мышц. С такими не соскучишься!

– Ты со мной, – сказала Садина, указывая на байдарку, в которую уже забросила свой рюкзак.

– А разве ты не хочешь плыть с Триш? – смущенно спросил Айзек, хотя ему ужасно хотелось плыть с Садиной, еще и потому, что она казалась сравнительно надежным мореплавателем.

– Издеваешься? – фыркнула девушка. – Мы уьем друг дружку, если поплывем вместе.

Триш пожала плечами, однако спорить не стала.

– Ладно, поехали, – сказал Доминик. – Сколько можно тянуть кота за хвост?

Айзек прыгнул в выбранную Садиной лодку и сел впереди, потому что рюкзак девушки лежал сзади. Под шорты моментально просочилась вода, кожу обожгло ледяным холодом, перехватило дыхание. Почему океан не нагревается, хотя на него целый день светит палящее солнце?.. Айзек зябко поежился.

Садина устроилась на сиденье, оттолкнулась и окунула весло в воду.

– Не забыл, как грести?

Айзек хотел сказать, что он не полный идиот, но побоялся, что это прозвучит как оправдание. Вместо ответа он мотнул головой и погрузил весло в воду. Следуя заданному Садиной ритму, они вышли в море, опередив остальных. «Я не боюсь воды, – подумал он. – Я не боюсь воды».

5

Стоун-Пойнт лежал на самом краю длинного скалистого полуострова, который тянулся от основной части острова на север, а затем дугой изгибался к западу. Айзек с Садиной и остальные четыре лодки отчалили с западной стороны и теперь переплывали открытую бухту между главным островом и длинным скоплением скал. Хотя расстояние до суши в самой дальней точке составляло максимум два километра, у Айзека в крови кипел адреналин. Как будто их вот-вот поглотит необъятный океан и шансы погибнуть ужасной смертью составляют примерно десять целых три десятых процента. Да, храбрости ему не занимать – настоящий глэйдер старых времен.

– Прямо перед Стоун-Пойнтом есть маленькая бухточка, – сказала Садина. – Привяжем там байдарки, чтобы не унесло в океан. Оттуда залезем на скалы и проберемся в пещеры.

– Круто, – с преувеличенным спокойствием ответил Айзек, у которого исчезли последние сомнения, что он – самый большой трус во всей компании.

Прыгать со скал? Ему не верилось, что оттуда можно прыгнуть и остаться в живых. И вообще непонятно, что за чудища водятся в этих чертовых пещерах. Летучие мыши? Акулы? Крокодилы? Он никогда в жизни не чувствовал себя таким идиотом.

Вскоре они добрались до бухты, о которой говорила Садина. Вокруг высились острокопечные черные скалы. Байдарки вытащили на невысокий галечный берег и привязали к мощному дереву, которое, судя по его виду, скончалось еще во времена Наполеона. Больше никаких признаков растительности в поле зрения не наблюдалось.

– Ладно, – сказала Триш, когда все собрались у входа в пещеру, которого Айзек в жизни не заметил бы.

Узкий проход высотой в шесть футов прятался в тени от наклонного выступа над скалой.

– План такой. Туннель выведет нас на северную сторону. Если нахлынет волна, не паникуйте, не то напьетесь соленой воды. Просто соберитесь и переждите.

Это никому не показалось смешным, тем более – Айзеку. Садина не стала рассуждать о том, как можно находиться внутри пещеры, когда в нее прорывается стена воды.

– На той стороне, – продолжала Триш, – есть парочка классных скал, с которых можно попрыгать, и там много интересных пещер. В некоторых можно плавать. Будет весело, если не струсите.

Следующим заговорил Доминик:

– Никого не смутит, если я буду купаться голым?

Компания единодушно ответила, что лучше не надо.

– Я так и думал, – пробормотал он.

Айзеку стало немного жаль парня, которому нравилось делать из себя посмешище. Он честно старался, благослови его господь.

– Я пойду первой, – деловито подытожила Триш. – А Садина прикроет тыл, чтобы мы никого не потеряли.

Она огляделась и приподняла брови, дожидаясь вопросов. Никто ничего не сказал; она обернулась, слегка наклонив голову, и нырнула в темноту пещеры.

– Увидимся на той стороне! – крикнула она через плечо, и гулкое эхо ее слов растаяло в скалах.

6

У Айзека от холода зуб на зуб не попадал. Туннель, прорезавший полуостров, не мог быть длиннее сотни метров, но темнота изнуряла. Никто не додумался взять с собой факел, а фонарики существовали только в старом мире. Он понятия не имел, как Триш находит дорогу; они шли спина в спину, и каждый повторял движения впереди идущего. По правде говоря, когда глаза привыкли к темноте, с обоих концов туннеля просачивалось ровно столько света, чтобы не врезаться лицом в скалу каждые десять секунд.

Если бы только не вода!.. Всю дорогу его ботинки были полностью погружены в темную жижу, а часто она доходила до самых шорт. Плеск, издаваемый десятками парами ног, бредущих по узкому ручью, напоминал о Капитане Спарксе, погружающем куски раскаленного железа в ведро для охлаждения. Чего бы только не отдал Айзек за тепло огня в кузнице! Он дрожал, как осиновый лист.

Не очень-то приятно узнать, что ты слабак, когда дело доходит до настоящих приключений. «Просто я не переношу холод и сырость, – думал он. – Если бы не эта холодрыга, я бы справился с чем угодно». Он любил ходить пешком и облазил весь огромный остров – при ярком свете дня.

– Здесь где-то должны быть разлагающиеся трупы, – предположил здоровяк Карсон, который шел через пару человек сзади. – Какой-то странный запах.

Айзек принюхался, но не уловил ничего, кроме обычного запаха моря, отдающего тухлой рыбой.

– Это не я, – открестился Доминик.

Садина заговорила со своего места в самом конце:

– Наверняка за семьдесят с лишним лет тут заблудились по крайней мере несколько бедолаг. В эту самую минуту мы, возможно, ступаем по чьим-то костям.

– Никогда больше не пойду в поход с восточниками, – сказал кто-то.

«Наверное, та девчонка с длинной косой, Джеки», – подумал Айзек.

– Не помню, чтобы я тебя приглашала, – отбрила ее Садина.

– Ой-ой-ой.

Айзек просто радовался, что слышит человеческие голоса, что он не один. Они плелись по туннелю, шлепали по воде, перебрасываясь остротами. Вскоре тьма рассеялась и показался светлый вход с северной стороны, на фоне которого четко выделялся силуэт Триш. Айзек облегченно вздохнул и начал придумывать предлог, чтобы отсидеться на скалах, когда остальные займутся исследованием других пещер. До него доходили истории о войнах давно прошедших дней, когда солдаты стреляли себе в ногу, чтобы выбраться с передовой. А может, просто споткнуться и вывихнуть лодыжку или растянуть сухожилие?

Добравшись до выхода, Триш остановилась. Остальные толпились сзади, глядя на бескрайние просторы океана. Немного странно, что никто не спешит выбраться на свет божий. Айзека охватило острое желание растолкать всех и вырваться на свежий воздух. Но внимание стоящих впереди привлекало нечто, чего не мог видеть он. Все замерли, никто не проронил ни слова.

– Что там такое? – спросила из-за его спины Садина, и Айзек подпрыгнул от неожиданности. – На что вы так уставились?

Триш наконец вышла из пещеры и молча ступила на широкий выступ скалы, медленно и неуверенно, не отводя взгляда от далекой точки на поверхности моря. Друзья последовали за ней, и Айзек наконец вышел из тесного туннеля, вызывающего клаустрофобию. И увидел то, что остальные. В нескольких сотнях метров от берега на поверхности океана покачивался на волнах, дрейфуя в их сторону, невиданный объект. И все-таки они точно знали, что это такое. Корабль. Настоящий корабль из старого мира. Большой. Больше любого здания на всем острове. Морское судно. Едва Айзек успел осознать увиденное, как корабль издал самый громкий, самый низкий, самый ужасающий звук, который он когда-либо слышал.

Глава третья Старые имена

I Александра

Михаил часто рассказывал Александре, что у него бывают видения. Ей это не нравилось. Истории о заблудившихся людях, которые переплывают океан, возвращаются в старый, разрушенный мир. Об армиях Сирот, восставших против Божества, о паломниках Лабиринта. Всякие ужасы. Что это, дар или безумие?

Эта сторона жизни пугала Александру сильнее всего. Несмотря на многолетние исследования и эксперименты, истинная природа болезни так и оставалась для нее загадкой. Как можно составить окончательное суждение о непредсказуемом явлении, которое постоянно меняется? Тем не менее она со дня Эволюции стремилась к невозможному. Теперь, шагая по городу в окружении бдительных телохранителей, готовых защитить ее от врагов, Александра ни о чем не сожалела. Ни капельки.

В ее сознании все имело определенную цель и план. Она четко представляла будущее. В отличие от Михаила. Рассказывая о своих видениях, он напоминал сумасшедшего. Вот в чем суть. Корень всех ее страхов. Безумие.

Занимался рассвет, облака над городом светились в слабых лучах восходящего солнца. Кроме всего прочего, Александру беспокоило время. Фанатики с давних пор использовали момент восхода солнца как точку отсчета для своих ритуалов и церемоний. Ее бы не удивило такое же поведение Михаила. Идея Божества буквально ударила ему в голову, а его несдержанность ставила под угрозу все ее труды.

Теперь еще и это. Ушел в Глэйд. На рассвете. Туда, где никогда не светит солнце. От этой мысли стало холоднее, чем от прохладного воздуха Аляски.

Как обычно, возле укрепленного входа в пещеры собралась толпа паломников. Весьма зловещего вида. Некоторые были обнажены, со шрамами на спине от самобичевания. Другие одеты в грубые шерстяные балахоны горчичного цвета, выдающие их религиозную принадлежность. Несколько щеголяли искусственными мехами Скорби, а их головы украшали хирургически вживленные острые стержни, торчащие к небу, будто рога молодых оленей.

По телу Александры пробежала дрожь. Вид этих людей вызывал отвращение; таких страданий не причиняла ей даже собственная болезнь. Тем не менее они избежали самых страшных штаммов вируса, отнимающих рассудок. Это подтверждали многочисленные исследования. Они вели нормальную жизнь, подчинялись заведенному порядку, сохраняли обычные умственные способности и стремились пройти путь Лабиринта по своей собственной воле. Александра поняла, что определение безумия следует откорректировать. В буквальном смысле. Она мысленно отметила, что нужно обсудить этот вопрос с составителями словарей. Одно Александра знала наверняка: она не сумасшедшая.

Паломники Лабиринта заметили Эволюционную стражу значительно позже, чем телохранители. Да и не удивительно, иначе им не доверили бы ее защиту. Фанатики представляли для Божества не меньшую опасность, чем все остальные, если не большую. К тому времени как вопли, стенания и истеричные поползновения прикоснуться к Божеству переросли в беспорядочную суету, охранники заняли идеальное положение. Как всегда, им было приказано не причинять людям серьезных травм. Грязные, потные, израненные наседали со всех сторон, предрассветный воздух сотрясали дикие возгласы, и скоро все слилось в один кошмарный вопль,

однако никто не приблизился. Гвардейцы умело маневрировали, применяя в случае необходимости пусковые лучи. Электрический гул лучей и запах озона всегда успокаивали Александру. Она – часть Божества, и никто – ни друзья, ни враги, ни почитатели – не смеет ее обидеть.

Ей расчистили путь к массивной стальной двери, которая служила единственным входом на лестницу, ведущую в глубины земли. Пока она пробиралась между тесными рядами людей, многие не оставляли попыток добраться до нее, падали на колени, толкая друг друга, издавали благоговейные крики. Хотя Александра понимала, что без этого не обойтись, напряжение в животе не ослабевало, и она с трудом сдерживала отвращение при виде распластавшихся на земле скорченных тел, о которые спотыкались охранники.

Открыть серую стальную дверь, залапанную бесчисленными руками паломников, могли только три человека на всем белом свете. С помощью технологий, извлеченных из священных руин; из священных же руин извлекли и вообще все, что привело к установлению власти Божества. В этих технологиях скрывалась могущественная сила. Несведущие называли ее магией. Чудом.

Александра знала точное место, куда нужно приложить руку, распластав ладонь с вытянутыми пальцами. Высокочувствительные сканеры прикрывало тонкое закаленное стекло, и все это больше походило на мистику, чем на реальность. Раздался мелодичный отрывистый стрекот – звук из потустороннего мира для распластавшихся на земле людей. Громкий щелчок, визг металла, и гигантская дверь со скрежетом уехала вправо. Люди восторженно ахали, чувствуя гулкую дрожь земли. Из зияющего входа лилось слабое красноватое свечение, в котором виднелись первые ступени, по спирали спускавшиеся в темноту.

Стражники выстроились вокруг проема, тесно сомкнув ряды, лицами наружу. Пусковые лучи образовывали яркую синюю решетку, удерживающую от нападения даже самых одержимых паломников. Успокаивающий гул лучей непостижимым образом заглушал скрежет двери, уезжающей в бетонную щель.

– Я пойду одна, – заявила Александра и почувствовала, что охранникам этого отчаянно не хочется.

Однако им хватило ума промолчать. Паломники, конечно, поразятся ее храбрости, хотя совершенно безосновательно. Если бы в Глэйд прошел кто-то, кроме Михаила, она бы знала. Никто не проходил. Кроме того, в пещерах хранился солидный арсенал оружия. Нет, надо идти одной. Ей не нужны свидетели того, что может произойти.

Александра переступила через порог, поставив ногу на незаметный выступ, включающий механизм закрытия двери. Вновь раздался грохот, дрожь, скрежет движущегося металла. Глядя на следы, оставленные в пыли Михаилом, она стояла неподвижно, пока не закрылась с глухим стуком дверь.

Когда канули в небытие последние отголоски этого звука, наступила полная тишина. Александра закрыла глаза и сделала несколько глубоких вдохов. Нет никаких сомнений: Михаил знает, что она ступила на лестницу, ведущую в пещеры. Вот только как он отреагирует? В Глэйд никто не спускался больше года. Она начала спуск, идя по стопам бога.

2

Минхо

Сирота нес караул на стене больше десяти часов. Мышцы затекли, суставы болели, внизу позвоночника начинались мышечные спазмы, пока не сильные. И давал о себе знать голод. Черт, как же хотелось есть! Жаль, что нельзя спуститься с отвесной стены, подойти к убитым человеку и лошади и полакомиться их мясом. Все равно, чьим. Разжечь костер, отрезать несколько кусочков плоти, поджарить...

Наверное, он сходит с ума.

Наконец послышался далекий свист – звук, от которого любому Сироте захочется петь, танцевать или плакать от радости. А то и все сразу. Через минуту после свистка появился другой Сирота. Они не обменялись ни словом, не встретились взглядом. Позже, в тесных казармах, где Сироты спали, ели, читали, играли, они могли расслабиться и вести себя как друзья. А на посту они были безымянными слугами, устремленными к единственной цели – защищать Остатки нации. У Сирот не было ни родителей, ни братьев, ни сестер, ни друзей. Только враги.

Сирота подошел к ближайшей башне, проскользнул в выдавшую виды деревянную дверь и, ритмично перескакивая через ступеньки, спустился на семь этажей вниз, в полуподвал. Ниже уровня, где он жил, был только один этаж, название которого не поощряло к визитам. Этаж назывался Адом. Сирота был там только однажды: доставил своего товарища, который нарушил правила и приютил пришельца с Севера. С тех пор он часто видел Ад во сне и надеялся, что этого больше не случится наяву. Он знал, что до самой смерти не забудет душераздирающих тоскливых криков узников, умоляющих о помощи; пот, кровь, сальные волосы, вытаращенные глаза, смрад, грязь. Странно, что он так живо запомнил это ужасное место, побывав там один-единственный раз.

В жизни Сироты существовало правило: когда тебя посылают к дьяволу, нужно показать знак своей любимой религии, чтобы обезвредить мерзкое проклятие. А если не суеверен, то просто бей в морду или по яйцам. Без разницы.

Сирота шел по сырым извилистым коридорам своего мира. Черный камень стен выглядел так, будто взорвался и застыл тысячу лет назад. Очевидно, так и было. Столицу Остатков нации перенесли в крепость еще до рождения Сироты, и он плохо знал ее историю. Сирот такие вещи не особенно интересовали. Однако он защищал это место достаточно долго, чтобы знать: за много лет проводилось множество ремонтных работ и усовершенствований. Живущие в этих стенах могут еще долго не волноваться за свою безопасность.

Он прошел мимо нескольких караульных, сидевших за столами с масляными лампами, которые отбрасывали жирные тени на стены и потолок. Сироты знали друг друга в лицо, и его никто ни о чем не спросил. Другие часовые тоже возвращались в казармы, и по мере продвижения людей в коридорах становилось больше. Наконец он добрался до Казармы номер Семь и ввел в механический терминал на входе свой код. Это означало, что Сирота официально закончил дежурство.

Сняв с плеч тяжелый груз защиты самого главного народа в мире, он почувствовал головокружительную легкость. Внутри плескалось возбуждение, словно открылся какой-то неизвестный источник энергии. Сирота рассмеялся, хотя не видел ничего смешного, и посмотрел по сторонам, ища выход избытку энергии, гудящей в каждой молекуле тела. Он подбежал к ближайшей стене, черной и почти плоской, и ударил по ней костяшками пальцев левой руки. Затем правой. И вновь двумя кулаками по очереди. Еще раз. И еще раз.левой, правой, левой, правой, левой, правой. Он молотил кулаками по стене, пока не разбил руки в кровь. Лишь тогда остановился, тяжело дыша. Затем поднял глаза и увидел, что рядом стоят несколько Сирот. В их взглядах читалось не удивление, а скорее понимание. Они кивнули.

– Не хотел бы я оказаться на месте этой стены, – сказал болезненно худой парень с кривым носом.

– Да ладно, он даже дырки в стене не проделал, – ответила девушка с оранжевыми волосами.

Сироты. Безымянные. Но он их знал. Скелет и Оранж. Проще не бывает.

– Подожди, пока я поем, – ответил он. – Умираю с голода. Один стейк с картошкой, и я пробью туннель в соседнюю казарму.

– Не сомневаюсь, – сказала Оранж. – Только с руками что будешь делать? Больно, небось?

– Не-а, – покачал головой Сирота. – Не больно.

– Мы тоже только сменились, – сказал Скелет. – Пойдем в столовку?

– Да, я и собирался.

Наверняка им слышно адское урчание в его животе.

– Только чур я первый. Вам, ребятки, может ничего не остаться.

Оранж закатила глаза и направилась в сторону кафетерия.

– Ясно, – сказала она. – Ты голоден. Идем.

Они со Скелетом пошли следом, и вскоре он почувствовал чудесный аромат жареного мяса. Ему нравились Оранж и Скелет. У него были и другие приятели, только он ни с кем не делился своими секретами. Столько всего скрывалось внутри.

Но сейчас Минхо хотел лишь одного – поесть.

3

Айзек

Друзья отреагировали на приближающийся корабль так же, как и сам Айзек – притихли и помрачнели. Он опустил на скальный выступ и сел, свесив ноги с утеса. Конечно, Айзек представлял себе, как выглядит большое морское судно – старшие поколения островитян потрудились на славу, объясняя молодежи устройство жизни в старом мире. Но услышать описание акулы и столкнуться с ней, когда ныряешь за мидиями, – далеко не одно и то же.

Айзека охватил леденящий страх, в основном перед неизвестностью. Судно – большое, наверное, метров двадцать в длину и вдвое меньше в ширину, изначально выкрашенное в белый цвет и снабженное хромированными перилами, выглядело таким же старым, как Фрайпан. Грязное, побитое, повсюду пятна ржавчины. Большинство иллюминаторов разбиты или потрескались, кое-где торчат острые стеклянные зубцы. Складывалось впечатление, что корабль пережил парочку войн, не считая множества ураганов и штормов.

Кто на нем приплыл? Кто трубил в этот зловещий рог? Несколько минут, пока судно приближалось – очень медленно, влекомое лишь волнами, – все хранили молчание. У Айзека появилось чувство, что скоро он получит ответ на оба вопроса.

Тишину нарушила Триш.

– Вижу кое-что на задней палубе. Ого.

Это было сказано таким тоном, словно она увидела больше, чем хотела сказать.

– Да, – согласилась Садина. – Похоже на...

Единственное короткое словечко, вылетевшее из уст неугомонного Доминика, выразило больше, чем если бы он произнес длинную речь.

– Ой.

Айзек решил встать – надо же выяснить, что они там углядели. Он поднялся, чудом удержав равновесие с помощью Джеки, схватившей его за плечо.

– Ты что, дружище, прыгать собрался? – сказала она. – Или падать?

– Спасибо, – рассеянно поблагодарил Айзек, напряженно вглядываясь в сверкающие солнечные блики на поверхности воды.

Долго всматриваться не пришлось. Сначала он увидел неуклюжие продолговатые фигуры, затем различил одежду, волосы, руки. На палубе лежало вразброс восемь или девять человек. Определить, живы ли они, на таком расстоянии не представлялось возможным.

– Может, спят? – прошептал Доминик.

В нелепом предположении было столько наивной надежды, что Айзеку захотелось обнять парня. Кому охота, чтобы на остров вынесло корабль с мертвецами. Это ужасно, с какой стороны ни посмотри. Прежде всего в голову закралась мысль о вирусе, который привел сюда их бабушек и дедушек. Кто знает, сохранился ли у потомков иммунитет? Они всю жизнь слушали жуткие истории, но полагали, что им не придется бояться Вспышки. Во всяком случае, еще несколькими поколениями.

– Кто-то ведь протрубил в этот рог, – подала голос Миоко. – Значит, там есть и живые.
– А может, у них стоит таймер, – предположила Триш. – Или он включается автоматически, когда корабль отойдет на определенное расстояние от земли.

Никто не ответил, да и какой смысл? Все прекрасно понимали, что на корабле есть хотя бы один живой человек.

Садина откашлялась и заговорила. Айзек еще никогда не видел ее такой взволнованной.

– Неизвестно, что хуже: мертвые или живые.

– Ты о чем? – спросил Доминик.

Девушка бросила на него сердитый взгляд, которого тот, по мнению Айзека, не заслуживал.

– А ты как думаешь? Конечно, в корабле с мертвецами нет ничего хорошего. Но если кто-то из них жив, то неизвестно, чем это нам грозит. У них может быть оружие, о котором мы никогда не слышали, болезни, с которыми мы не сталкивались... Подумайте сами. Это явно не спасательный корабль, а даже если и так, мы не просили нас спасать!

– Что будем делать? – подал голос Айзек. – Он сейчас напорется на скалы. Или развернется боком и будет плыть вдоль полуострова, пока его не вынесет на пляж.

– Я знаю, что делать, – заявил Доминик. – Мы уносим свои задницы обратно в город и сообщаем Конгрессу, что у нас гости. Мертвые, а может, и живые.

Наверное, это были самые разумные слова за всю его жизнь. Триш подошла и взяла Садину за руку.

– Самой противно, но я согласна с Мудо...

– Не надо, – перебил Доминик. – Прошу, не называй меня так больше.

Казалось, за последние пять минут он повзрослел на десять лет. Айзек чувствовал то же самое. Как будто они прожили всю жизнь, полагая, что мир за пределами острова – вымысел, особенно если речь идет о чем-то страшном. Но что-то в этом корабле, приближающемся к каждой секундой, превращало ужасные сказки в реальность.

– Он прав, – согласилась Садина. – Нужно предупредить остальных.

Айзек не мог пошевелить ни одним мускулом. Он не хотел возвращаться. Его охватило непреодолимое любопытство. До сих пор самым увлекательным приключением в его жизни была кузница. Плавить металл и превращать его в полезные вещи – достойное занятие. Но когда он увидел этот корабль, что-то в нем изменилось. Он понял, что никуда отсюда не уйдет.

– Я побуду здесь, – тихо произнес Айзек. Пусть как хотят, а он останется. – Вы возвращайтесь и сообщите Конгрессу или коменданту. А я тут за ними пригляжу.

– Не нравится мне эта идея, – сказал Доминик.

Остальные с ним так или иначе согласились.

– А если у них есть оружие? – спросила Садина. – Вдруг...

Айзек постарался говорить уверенно.

– Давайте, ребята, вернитесь и сообщите всем. Есть смысл кому-то остаться здесь и приглядеть за этим кораблем. Нельзя оставлять их без наблюдения. Обещаю: если начнут палить из пушек или швыряться бомбами, я убегу и спрячусь в пещере.

Друзья недоверчиво переглянулись. Айзек никогда не слыл храбрецом и не проявил никакого геройства, когда они пробирались сквозь черный как смоль туннель. Однако он знал, что товарищи в конце концов согласятся: это не глупая и не такая уж опасная идея. Да, на корабле могут быть люди, но он ведь не собирается плыть к ним в гости на байдарке.

– Дуйте! – рявкнул Айзек. – Чем раньше вы расскажете, тем скорее сюда придут люди с нормальными лодками и оружием, чтобы во всем разобраться.

– Я останусь с ним, – сказала Миоко.

Это решило дело, как будто оставаться вдвоем гораздо безопаснее, чем одному. А может, они просто подумали, что девушка будет вести себя более рассудительно. В любом случае Айзек был рад компании.

– Ладно, – кивнула Триш. – Только смотрите, не делайте глупостей. Пойдемте, ребята.

– Вас поняли, – ответила Миоко, встав рядом с Айзеком. – Никаких глупостей. Мы будем самыми благоразумными.

– Умными и благоразумными, – подтвердил Айзек.

Друзья с видимой неохотой развернулись и зашагали в сторону туннеля.

4

Навстречу Айзеку и Миоко, которые шли по узкой тропе за кораблем, дул ровный бриз, отдающий соленым вкусом океана. В воздухе стоял разноголосый шум: неумолчные крики чаек, волны, бьющиеся о скалы, плеск воды о борта, скрип и жалобные стоны качающегося на волнах судна. Рог больше не гудел, и на корабле не наблюдалось никаких признаков жизни.

Как Айзек и предполагал, течение разворачивало судно, пока оно не встало параллельно скалам, указывая носом сначала на восток, затем на юго-восток и на юг, и продолжало дрейфовать к самому острову. По мере того как расстояние до пришельцев сокращалось, детали вырисовывались более отчетливо, и резкий фокус только добавлял всей сцене зловещего, почти авантюрного ощущения.

– Ты можешь разобрать, что там написано? – спросила Миоко.

С момента, как они расстались с друзьями, прошло около получаса. За все это время двое оставшихся островитян не обменялись и парой слов и ни на секунду не оторвали глаз от дрейфующего судна. Миоко указала на широкий облезлый борт корабля, обросший ракушками, где ниже ржавых лееров смутно виднелись два слова. Дырки в соответствующих местах указывали, что когда-то там были прикреплены пластмассовые или металлические буквы, давно отвалившиеся. Айзек присмотрелся, слегка сощутив глаза.

– Вроде... разрезающий... что-то там. Точно, разрезающий.

– Лабиринт, – сказала Миоко. – Офигеть. Там написано «Разрезающий лабиринт».

Айзек уставился на надпись; теперь он без труда различал каждую букву, только никак не мог понять, при чем здесь Лабиринт.

Это слово, связанное с самым известным жителем острова, Томасом, после смерти которого прошло больше двадцати лет, много значило для всего их народа. Ходили легенды об этом человеке и о Лабиринте, из которого сбежали он и его друзья. Глэйдеры. ПОРОК. Ава Пейдж. Вспышка. Легенды слишком невероятные, чтобы быть правдой. Сколько лет прошло, сколько историй рассказано, и лишь одно оставалось неизменным. Томаса чаще называли Бегущим в Лабиринте, чем настоящим именем.

И вот прямо перед Айзеком, словно во сне, в каких-то пятидесяти или шестидесяти метрах качается на волнах корабль с похожими словами, вытравленными ржавчиной и грязью на борту. Айзек утратил дар речи. Его мозг превратился в выжженную долину.

У Миоко такой проблемы не возникло.

– Какого дьявола? Что все это значит?.. А, понимаю! Эта чертова калоша пришла за нами. Они знают о Томасе и обо всех остальных. Спустия столько лет кто-то где-то решил, что они еще не закончили с храбрыми маленькими глэйдерами, просочившимися сквозь их волшебную машину. Дети, внуки, правнуки – не важно. Томас для них вроде бога, и они отправились в паломничество. А может, пришли нас убить. Или помочь нам. Или что-нибудь нам сообщить.

Айзек наконец оторвал взгляд от призрачных букв и посмотрел на Миоко.

– Что ты сказала?

Она хмуро улыбнулась, сдвинула брови и вновь растянула губы в улыбке, переминаясь с ноги на ногу.

– Ничего. Я понятия не имею, что тут можно сказать.

– Я тоже, – кивнул Айзек. – Но мы должны попасть на этот корабль.

Он думал, что Миоко предложит не торопиться, и очень удивился, когда та сказала:

– Поплыли?

Это его доконало; он рассмеялся, девушка подхватила. Они хохотали, как сумасшедшие.

– Думаю, плыть не понадобится, – наконец сказал Айзек. – Смотри, он совсем близко.

Корабль продолжал медленно и плавно дрейфовать, приближаясь одновременно к утесу и к южной стороне пляжа. Идя вдоль берега по тропинке, Айзек и Миоко неожиданно поняли, что судно теперь в каких-то двадцати метрах. Они уже могли разглядеть все подробности, прежде нечеткие. В том числе тела, лежавшие на палубе.

– Их там... восемь, – прошептала Миоко, точно боялась разбудить людей на палубе.

Хотя разбудить их не удалось бы. В голове у каждого виднелось пулевое отверстие, рана, покрытая засохшей кровью.

– Черт... Кто их убил?

– Наверное, тот, кто трубил в рог.

Теплая одежда на трупях насквозь промокла – должно быть, незадолго до своего появления у острова судно пережило шторм. Лежавших на палубе мужчин и женщин с разным цветом кожи и волос, разного роста и комплекции объединяло только одно: все они выглядели одинаково мертвыми. Правда, на деревянной палубе, корявой и растрескавшейся, не было видно пятен крови – наверное, смыло штормом. У Айзека сложилось впечатление, что после убийства прошло довольно много времени: мертвецы выглядели какими-то... несвежими. Как будто у них истек срок хранения.

Тем временем судно приближалось. Еще минута-другая, и они при желании смогут прыгнуть прямо на палубу. Словно прочтя мысли товарища, Миоко сказала:

– Мы пообещали, что будем просто наблюдать. Может, пойдем спрячемся? Если кто-нибудь выйдет сейчас из каюты с ружьем, нам крышка.

– Да, конечно, надо спрятаться, – согласился Айзек, однако оба продолжали идти дальше – медленно, шаг за шагом.

Он ни разу в жизни не испытывал такого гнетущего страха: в животе словно плавали электрические угри. Что-то должно случиться.

5

В какой-то момент правый борт почти вплотную подошел к скалам, так что корабль чуть не врезался в утес, и тут произошло невероятное. Где-то внизу загудел двигатель, вскипела под днищем бурлящая вода, как будто из морских глубин сейчас всплывет гигантский кальмар. Это длилось всего минуту или чуть больше, но спасло судно от крушения. Затем двигатель выключился, и «Разрезающий лабиринт» продолжил дрейфовать к берегу. Айзек с Миоко машинально остановились. Теперь они могли внимательно рассмотреть прямоугольную корму, где лежали мертвые тела.

– Вот и ответ на наш вопрос, – сказала Миоко.

Айзек промолчал. Там определенно есть кто-то живой, и, видимо, не стоит оставаться так близко от корабля.

– Давай просто держаться на расстоянии. Наверняка они направляются к пяточку на пляже. Там почти пологий берег. Лучшее место на острове для кораблекрушения, если уж кому-то приспичило его устроить.

– Да, – согласилась Миоко. – У них явно топлива в обрез. Приберегают на крайний случай.

Корабль продолжал дрейфовать, покачиваясь на волнах, а Айзек и Миоко следовали за ним, оставаясь примерно в тридцати метрах позади. Корабль плыл и плыл, а они все шли и шли. В воздухе повисло такое напряжение, что у Айзека гудело в ушах.

Наконец они спустились с черной скалистой стены и достигли песчаного берега на северной стороне главного островного массива, идущего под прямым углом к скале. Вокруг не было ни души. Сюда мало кто приезжал, разве что на выходные или в сезон отпусков. Сейчас шел сбор урожая, и островитяне бросили на это все силы. Не так легко обеспечивать потребности населения на отдельном куске земли, у черта на куличках.

– Надеюсь, эта штукавина не перевернется, – сказала Миоко.

Айзек понял, что она имеет в виду. Перейдя с полуострова на пляж, ты попадал в другой мир. Огромная глубина перед каменной стеной мешала образованию больших волн, а дальше географический ландшафт разительно менялся: волны высотой до пяти метров поднимались на дыбы, словно обезумевшие лошади, и с грохотом падали, рождая водовороты яростной белой пены. Лишь в одном месте, на переходе от скалистого утеса к песчаному пляжу, был маленький кусочек суши, где можно приткнуться к берегу. Как будто...

– Они знают, – прошептал Айзек. – Она. Он. Они. Знают, кем бы они ни были.

– Что знают? – спросила Миоко.

– Знают остров настолько хорошо, чтобы спокойно подойти к берегу. Это идеальное место, если...

Его прервал внезапный рев двигателя. Корабль резко повернул вправо, оставляя за собой гигантские бурлящие пузыри, и на остатках горячего устремился к берегу. Двигатели почти сразу заглохли, но судну хватило инерции, чтобы со скрежетом и шипением заползти на песок. Его удерживали на месте течение с востока и утихающие волны с севера. Айзек не мог похвастаться энциклопедическими знаниями о старом мире, но остров он знал, как свои пять пальцев, и у него не оставалось сомнений, что неизвестный капитан мастерски справился с чрезвычайно сложной задачей.

В какой-то момент они с Миоко остановились – бессознательно, не отдавая себе отчета. Наступила тишина, еще более заметная по контрасту с мощным ревом двигателей – редчайшим для их маленького мира явлением.

– Что будем делать? – прошептал он.

– Бежим туда!

Миоко помчалась к последним скалам на краю полуострова, за которыми можно было спрятаться; Айзек последовал за ней. Они присели рядышком и заглянули за край, метрах в сорока от застрявшего в песке судна. Айзек понимал, что люди с судна могли заметить их раньше, но здесь они по крайней мере под прикрытием, если на палубе вдруг появится вооруженный до зубов человек.

– Безумие какое-то, – прошептала Миоко.

– Да уж.

Айзек задыхался, все его физиологические системы работали на непривычных сверхвысоких скоростях. Он жадно втягивал в легкие влажный, соленый воздух и выпускал его через нос.

Прошли секунды, минуты, показавшиеся долгими месяцами. На корабле ничего не двигалось. И само судно стояло неподвижно, как скала.

Внезапно звенящую тишину разорвало громкое металлическое эхо. Айзек с Миоко, машинально прижавшись друг к другу, выглянули из укрытия.

Есть! Что-то... кто-то полз по проходу от кают на кормовую палубу, где лежали трупы. Женщина. Страшно худая – кожа да кости под старыми бесформенными лохмотьями. Она едва

ползла, с трудом передвигая усталые члены по корявой поверхности палубы. Темная кожа, спутанные волосы. Каждое движение давалось ей величайшим усилием воли. Наконец она добралась до перил напротив того места, где прятались Айзек с Миоко.

– Видимо, эта женщина нуждается в помощи, – несмело предположила Миоко. – Уверена, она не собирается нас застрелить или прирезать. Идем!

– Подожди, – возразил Айзек. – Ты твердо решила?

– Да. Она может умереть, пока мы будем здесь прятаться.

– А если эти люди заражны?

Старшие с детства приучили их опасаться болезни.

– У них головы прострелены, Айзек. Ты слышал когда-нибудь, чтобы вирус пробил дырку в голове?

Женщина застонала и схватилась за ржавое ограждение.

– Я понимаю, Миоко, но вдруг она их застрелила, чтобы избавиться от страданий?

Айзек не знал ни одной девушки умнее или рассудительнее Миоко. Она замерла, подумала и приняла решение. Айзек понимал, что согласится с ней, поскольку сам вечно во всем сомневался.

– Всех одновременно? Они достигли точки невозврата все вместе? И почему в таком случае она не покончила с собой? Нет, тут что-то другое... Мы осторожно.

Миоко вышла из укрытия и начала спускаться по склону. Айзек поспешил следом, хотя сомнения не утихали.

– Тогда еще хуже. Получается, эта кикимора застрелила всех своих приятелей?

– Посмотри на нее, – только и сказала Миоко.

Айзек посмотрел. Женщина была до крайности измождена, глаза ввалились. Ей чудом удалось схватиться за перила и встать на ноги.

– Может, она и воплощение мирового зла, – продолжала рассуждать идущая впереди Миоко, – но сейчас не способна даже муху убить. Сил не хватит. Мы впервые в жизни увидели человека из внешнего мира, и, черт возьми, я не упущу возможности хоть что-то о нем узнать.

– Ты права, – согласился потрясенный до глубины души Айзек.

Эта женщина обязательно должна выжить, даже если придется посадить ее на карантин.

– Хорошо, что у нас есть еда в...

Он замолчал на полуслове, потому что незнакомка издала нечеловеческий стон и перекинула ногу через верхние перила. Остальное сделала инерция. Женщина полетела вниз и через мгновение с шумным плеском упала в море.

6

Айзек схватил «утопающую» за одну руку, Миоко за другую; у обоих перехватило дыхание от ледяной воды. Айзек держал несчастную за локоть и подмышку, изо всех сил стараясь не причинить боли. У бедняги ушли последние силы на то, чтобы удержаться на поверхности, пока до нее доберутся, и теперь они, скользя и спотыкаясь, тащили ее к берегу. Выбравшись из воды, все трое без сил рухнули на песок.

Отдышавшись, Айзек наконец сел, положив руки на колени, и исподволь оглядел спасенную. Она лежала на боку, выплевывая воду и хватая ртом воздух: худющая, изможденная – смотреть страшно. И все-таки сейчас незнакомка выглядела чуть лучше, чем издавна. У Айзека появилась надежда, что она поправится, когда выпьет воды, поест и отдохнет. Он вновь подумал об инфекции – одной из главных опасностей, о которой ни в коем случае нельзя забывать.

– Послушай, Миоко... Теперь, когда ей ничто не угрожает, давай держаться подальше.

Подруга кивнула, осознавая его правоту. Оба встали, отошли шагов на десять и вновь сели. Миоко вытащила из рюкзака немного хлеба, завернутые в салфетку сыр и фрукты и металлическую флягу с водой и бросила еду незнакомке. Сверток шлепнулся на песок прямо у нее перед лицом, взметнув фонтанчик песчаной пыли. Женщина выплюнула песок и быстро заморгала.

– Извините! – крикнула Миоко. – Мы просто стараемся быть осторожными. Поешьте.

– Тебе надо поучиться бросать, – прошептал Айзек, сам не свой от волнения.

– У нее сил не хватит открыть эту штуку.

Миоко вскочила на ноги и побежала к месту, где упала еда. Быстро расстелила салфетку, отвинтила крышку на фляге с водой, вернулась и села рядом с Айзеком. Теперь оставалось только ждать.

Незнакомка двигалась с большим трудом, как в замедленной съемке, и наблюдать за ней было мучительно. Сначала она приподнялась, перенесла весь свой вес на один локоть и нашла равновесие. Затем протянула дрожащую руку и схватила флягу. Поднесла к губам с таким видом, будто может уронить в любую секунду, и начала жадно пить. Мышцы и сухожилия на шее под тонкой кожей двигались с каждым глотком.

Она вернула воду на место, ввинтив флягу в песок, взяла кусок хлеба. И впервые посмотрела на Айзека с Миоко. Айзеку показалось, что ее темные, запавшие глаза связывают с его собственными две невидимые раскаленные нити.

– Спасибо, – едва слышно произнесла она и откусила хлеба.

У Айзека на языке вертелся миллион вопросов, и он знал, что примерно столько же хочет задать незнакомке Миоко. Однако бедняга с трудом жевала, не говоря уже о том, чтобы объяснить, откуда она взялась, почему расстреляла тех людей, зачем приплыла... Бесконечные вопросы.

Женщина съела уже три кусочка хлеба. Наверное, Айзек принимал желаемое за действительное, но к ней как будто начали возвращаться силы.

– Не бойтесь, я не больна, – вновь заговорила женщина и доела хлеб, запихнув в рот и с трудом проглотив последний кусок. – Клянусь жизнью всех, кого я когда-либо знала или узнаю.

– Хмм... теперь вы и нас знаете, – возразила Миоко. – Сомнительная сделка.

– Туше, – устало засмеялась женщина. – Подумать не могла, что первыми, кого здесь встречу, будут такие умники. Послушайте. У вас есть возможность проверить меня на вирусы? Бактерии? Здесь вообще есть медицинский центр?

Она подняла руку и указала на сгиб локтя.

– Можете колоть, сколько хотите.

– Не многовато ли вы болтаете для человека, две минуты назад казавшегося практически мертвым?

Миоко не собиралась уступать в этой битве характеров, и Айзек радовался, что можно пока помолчать.

– Почему мы должны вам верить? Откуда вы? Почему убиты все эти люди? Зачем вы привели сюда этот безобразный корабль?

– А вам его название ни о чем не говорит? – ответила женщина. – Да, буквы отвалились, переход океана – не шуточки, но прочесть можно, если захотеть.

На этот раз Миоко не ответила. Айзек тоже промолчал. Лучше дать ей выговориться и узнать ее секреты, чем выбалтывать свои.

Незнакомка отщипнула и положила в рот несколько виноградин. Затем медленно села. Видно было, что она смертельно устала, и каждое движение дается ей с огромным трудом. Впрочем, когда ее только вытащили, она и сесть бы не смогла.

– Послушайте, я не больна. И люди на корабле были здоровы. Все сложно. Я с удовольствием объясню, в чем дело, только кому-нибудь посOLIDнее. Ну, знаете: немножко седины, морщины. Не обижайтесь.

– Потерпите, – перебила ее Миоко. – Они уже в пути. Их много. Но лучше скажите правду, зачем вы здесь, или мы избавимся от вас до их появления. И не трудитесь врать. Зря только время потеряем.

Айзеку потребовалось огромное усилие воли, чтобы не выдать себя. Это был чистый блеф, но сыграла Миоко отлично.

Женщина печально вздохнула, как будто у нее умер самый близкий человек.

– Мы пришли, потому что знаем, кто вы такие. Мир изменился. Очень сильно. Мы надеемся найти потомков двух очень важных для нас людей из прошлого. Что касается моих компаньонов, – она указала на палубу с убитыми, – то они хотели все бросить и вернуться. Угрожали мне, когда я не подпустила их к запасам топлива, необходимым для возвращения, после того как... найдем вас. Поэтому я их усыпила, а затем убила. Вот насколько важна для меня эта миссия. Вы хотели правду? Получите.

Она съела еще немного фруктов, выпила воды. Айзек ошеломленно молчал. Миоко потребовалось несколько секунд, чтобы собраться с духом, и она не стала говорить о самом страшном из сказанного незнакомкой.

– Чьи потомки? – спросила она. – Каких людей?

Женщина, запрокинув голову, до последней капли допила воду и перевела взгляд с Айзека на Миоко.

– Есть и другие люди с иммунитетом, – сказала она. – Уверена, что вы понимаете: те, кто отправил вас сюда, не могли найти их всех. Мы всю жизнь изучали детей и внуков тех людей, пытаюсь понять, что дает им... нам... иммунитет. Этого оказалось недостаточно, ничего не вышло. Теперь появилось столько новых разновидностей вируса...

Незнакомка замолчала, как будто разговор вновь отобрал у нее все силы, сделала несколько медленных неглубоких вдохов и продолжила:

– У нас есть образцы, пережившие крах ПОРОКа. А два человека разительно отличались от остальных... как гора по сравнению с муравейником. Что-то особенное в клетках и в составе крови, подобной которой мы больше нигде не встречали. Нам нужны они или их потомки, иначе ничего не выйдет.

– Кто они? – спросила Миоко. – Какие два человека?

Женщина вновь легла на песок и посмотрела в небо. Разговор истощил все ее силы. Но минуты через две, когда Айзек подумал, что незнакомка больше ничего не скажет, та наконец ответила:

– Брат и сестра.

Она помолчала, закрыла глаза и через несколько секунд открыла вновь.

– Их звали Ньют и Соня.

Глава четвертая Хранитель руин

I

Александра

Она стояла среди руин. Божественная, несравненная, непревзойденная.

Лишь через час Александра достигла самого нижнего уровня подземелья. Путешествие скорее наводило скуку, чем страх. После полномасштабной Эволюции, навсегда изменившей мир за тридцать один год до этого дня, она научилась множеству новых интеллектуальных удовольствий. Благодаря учению Впышки она умела теперь находить радость в самых неподходящих местах. Пока она опускалась по бесконечным лестницам, какая-то дальняя часть ее сознания подсчитывала шаги, вычисляла углы, расстояние и скорость.

Достигнув самого нижнего уровня – ей пришлось петлять по коридорам, открывать тайные двери, даже несколько раз подняться по лестнице, вместо того чтобы продолжать спуск, – Александра произвела в уме некоторые интересные вычисления, просто от нечего делать. Количество шагов; средняя и текущая скорость; общее расстояние, пройденное вниз и вверх; точный угол между точкой А на стальной двери и точкой Б, где она сейчас стояла. Другая часть мозга отмечала, как меняется по мере спуска температура, переводя в цифры мельчайшие ощущения – каждую капельку влаги на коже. Она задумалась, почему температура падает неравномерно, скачками, и зафиксировала информацию в памяти, чтобы позже разобраться в причинах.

В данный момент ее, потрясенно созерцавшую картину полного разрушения, занимали более серьезные вещи.

Когда-то это было могущественное место. Место силы и огромных возможностей. Александра окинула взглядом необъятный простор, ощутив восторженный трепет перед тем, как здесь все было в давние времена – до того, как потрескались, задрожали и рухнули на землю великие стены.

Она представила себе огромный вихрь пыли, круживший по гигантской пещере в день, когда это случилось. Груды битого цемента и искореженного металла тянулись к высокому армированному потолку, словно памятники тем, кто страдал и умер.

«Священная земля, – подумала она. – Лабиринт. Здесь жил Он. И Она. О да, здесь жила старая перещница и погиб ужасной смертью старый хрыч. Все рухнуло в благородном порыве храбрости, самопожертвования, чести и прочей чуши собачьей, как сказала бы бабуля».

Александра насмешливо фыркнула, надеясь, что этот звук достигнет каждого уголка гигантской пещеры. Она с трудом сохраняла видимость почтения, и ее страшно бесила необходимость этого фарса. Она любила – просто обожала – эволюционное восхождение, свою роль в этом движении, и полностью соглашалась с направлением, которому они следовали на протяжении десятилетий. Просто хотелось, чтобы люди относились к этому проще. Она не Афина. Михаил не Геракл. А Он... уж тем более не Зевс.

«Да, – подумала она, – с таким настроением лучше оставаться дома».

И тут же улыбнулась. Оставшись дома (Александра прекрасно отдавала себе отчет, что никогда бы этого не сделала), она бродила бы по своим покоям, думая о восхитительных вещах, которые могла пропустить. А она здесь, рассматривает безбрежное пространство с руинами семидесятилетней давности. Под острыми обломками металла и потрескавшегося камня, раз-

битого цемента и раскуроченных машин до сих пор виднеется дорога. Она знала эту дорогу, как и двое остальных. Один прошел по священному пути ночью.

Это злило Александру больше всего.

Она миновала бетонную арку с торчащей во все стороны стальной арматурой – копыя, сразившие огромного допотопного зверя, – и направилась к Глэйду.

2

Минхо

Сирота лежал в постели, свернувшись калачиком и натянув на голову одеяло. Он не хотел, чтобы кто-то видел его мучения. Его вину и позор.

В столовой он совершил ошибку – вообразил себя Минхо, достойным носить имя. Такое кощунство неминуемо разбило бы сердца его предков. Тех, кто его учил. Тех, кто умер, дав ему возможность стать Сиротой. Он – ходячее оскорбление для братьев-сирот, спящих в своих постелях. Вокруг, на десятках коек, выстроившихся в ряд, словно танки, ожидающие отправки на войну, лежали люди, которые в лучшем случае могли плюнуть ему в лицо, если бы узнали, а в худшем – убить. Точно убили бы.

Он для этого родился. Его для этого воспитали. Вымуштровали. Он – Сирота.

У Сироты нет имени. Сироте не нужно имя. Лежать под горячим, как печка, одеялом, обливаясь потом и испытывая вселенские муки, было невыносимо. Выглянув из-под одеяла, не наблюдают ли за ним, он откинул колючую шерсть и сел, поставив босые ноги на прохладный каменный пол. Уперся локтями в колени и закрыл лицо руками. Потер глаза и лоб. Что делать? Он не мог больше оставаться ни в этой постели, ни в этом бараке. Будь все проклято!

Сирота встал, вытащил из сундучка в ногах одежду и быстро оделся, стараясь вести себя как можно тише. Если кто-то спросит, он скажет, что живот подвело. Вряд ли кому-то захочется составить компанию.

Он прошел к двери, миновав по пути восемь или девять кроватей; несколько чутко спящих сирот подняли головы, но ничего не сказали. Часовой, клевавший носом над замусоленной старой книгой, просто кивнул. Сирота не понимал, почему так нервничает. Во-первых, он не собирался нарушать никаких законов. Во-вторых, что он мог сделать? Бегать голым по казарме и пугать людей? В нерабочее время оружие заперто, а если бы он додумался ходить с ножом, его бы заперли пожизненно или казнили в назидание остальным. Как пить дать казнили бы.

Нужно просто глотнуть воздуха. Небольшой перерыв, перезагрузка, и он вновь посвятит свою жизнь делу, ради которого родился и вырос. Нужно прекратить называть себя Минхо, пока эта глупость не проросла в сознании до такой степени, что он не сможет больше скрывать, и не только от себя.

В шахту. Да. Вот куда он пойдет. Отлично. Шагая по коридорам казармы, Сирота, к своему удивлению, обгонял довольно много людей. Ему всегда казалось, что защитники нации никогда не отдыхают. Тем лучше: можно не опасаться, что его бессонница привлечет нежелательное внимание. Он неторопливо брел по коридору, держась особняком, как Моисей, наслаждаясь движением, прохладой камня, пламенем факелов, дружелюбными лицами. Куда меньше удовольствия доставлял запах пота, но Сирота давно привык. Скоро он дошел до цели.

Шахта, единственное место на всем подвальном этаже, где можно увидеть небо, да и то через вертикальный каменный колодец высотой в две сотни метров, представляла собой часть огромной вентиляционной системы, которая обеспечивала воздухом Сироту и ему подобных. Сверху капала вода, расплескиваясь крошечными фонтанчиками на блестящих черных плитах. Сирота ушел в дальний угол и сел, оперевшись спиной на кривую стену шахты. Дождь приятно охлаждал кожу. Свежий воздух, мелкие капли дождя, прогулка – все это его взбодрило, помогло преодолеть уныние.

Никто его ни о чем не спрашивал. Никто не трогал. Он закрыл глаза. Время шло.

3

Сирота уже начал отключаться от реальности, как вдруг его вырвал из дремоты негромкий возглас. Сначала он подумал, что уже уснул, но когда протер глаза и зевнул, крик повторился. Теперь даже не крик, а мучительный вопль. Отчаянная мольба о помощи. Внезапно оборвавшийся вопль ужаса и долгие, несчастные рыдания.

Инстинкты Сироты вспыхнули, как зажженная спичка, брошенная в керосин. Секунда – и он уже мчался по небольшому туннелю с правой стороны, по одному из множества каналов, пронизывающих крепость. Пришлось нагнуться, однако на скорости это не отразилось. Он бежал так быстро, как мог, – влево, вправо, прямо, с каждым шагом приближаясь к жуткому призыву о помощи. Он ворвался в другую вертикальную шахту, намного уже, чем та, где отдыхал. Всхлипы доносились из небольшого туннеля над головой, на уровень выше. Не медля ни секунды, Сирота прыгнул, ухватился обеими руками за край и подтянулся в темную дыру.

На грязном полу лежал ничком жалкий маленький мальчик, а над ним стоял на коленях мужчина. Сирота ни разу в жизни не видел ребенка в таком жутком состоянии. Окровавленный, синяки по всему телу. Избит до такой степени, что родная мать не узнает. Мужчина занес руку, чтобы ударить несчастного еще раз.

Сирота взорвался гневом, тысячей фунтов огненной ярости. Он схватил негодяя за изодранную рубашку, поднял и швырнул в стену. Голова незнакомца с треском ударилась о зазубренный камень под низким потолком. Сирота знал, что этот звук будет преследовать его во сне, щекоча нервы и принося огромное удовольствие. Схватив мужчину за шею левой рукой, Сирота ударил по лицу правой. Отстранился и ударил вновь, крепко сжатым кулаком, изо всей силы. И еще, и еще. Что-то трещало, хрустело и ломалось. Сирота отпустил мужчину, и тот безвольно рухнул на пол.

Тяжело дыша, Сирота посмотрел на ребенка, которого истязал злодей. На мальчике не было живого места, но он дышал. Слава Исцелению, жив! Их взгляды встретились. Сирота опустился на колени в холодную липкую грязь, поднял ребенка и сказал:

– Все будет хорошо. Он больше тебя не обидит. Как тебя зовут?

– К-кит, – с болезненным стоном отозвался спасенный. – А тебя?

Сиротам нельзя задавать такие вопросы. У него сдавило горло.

– А тебя? – повторил мальчик, такой хрупкий, что страшно было на него смотреть.

– Меня...

«Беги», – подумал он. Почему-то захотелось убежать. Подальше от всего этого.

– Пожалуйста... – Глаза мальчика закрылись, дыхание участилось. – Скажи...

Зачем? Зачем ему это? Почему избитый до полусмерти ребенок из последних сил пытается задать вопрос, который мучил Сироту всю жизнь?

Мальчик закашлялся и умоляюще приоткрыл глаза.

– Твое... имя...

Сирота посмотрел на него сверху вниз, стыдясь злобы, распиравшей грудь, сдавливающей горло, как раковая опухоль, и наконец ответил несчастному ребенку, лишь бы тот замолчал:

– У меня нет имени.

4

Александра

Трудно было представить, как выглядел Лабиринт раньше.

Повсюду камень, бетон, раскученная сталь, покрытые пылью десятилетий. Как часто бывает, жизнь пробилась себе дорогу и здесь: сквозь бесчисленные щели, дыры и трещины пробивался плющ. Александра могла лицезреть все это – а не вечную тьму, царящую в большинстве пещер, – только благодаря решению Божества вновь зажечь искусственное солнце, сиявшее когда-то над Лабиринтом. Грандиозная задача, потребовавшая огромных усилий, была достойна существ, которым хватало спеси называть себя богами. По иронии судьбы энергию на самом деле получали с помощью восстановленных солнечных батарей, питаемых настоящим солнцем – первым божеством, которому начали поклоняться люди.

Александра держалась в тени, а над ней возвышались руины, напоминающие перевернутый лес из камня и стали.

Лабиринт.

Былое чудо архитектуры, триумф техники. Множество ухищрений, способных обмануть глаз. Изобилие углов, за которые можно завернуть, мириады дорог, уходящих в неизвестность. Хотя кое-что изменилось, многое осталось прежним.

Она подошла к монументальной груде обломков, отмечавшей вход в Глэйд. Когда-то высившиеся здесь огромные движущиеся стены давно превратились в развалины. За ними зияла пустота. Александра остановилась в самой густой тени, которую смогла найти, и искала взглядом Михаила. Она заметила его почти сразу.

Он стоял на коленях, опустив голову и сцепив руки, на краю того, что в свое время по очевидным причинам называлось Ящиком. Гладкие металлические двери, расположенные вровень с поверхностью земли, и сейчас можно было открыть, а под ними скрывался большой стальной куб. Своеобразный лифт навсегда застыл на месте из-за ржавчины, грязи и погнувшихся деталей. Горизонтальные двери и сейчас функционировали: благодаря неустанным заботам, ремонту и большому количеству смазки. В данный момент они были закрыты. В Ящике скрывалось такое, что нельзя... выпускать на свободу. Тайны, которыми не следовало делиться. Александра надеялась не увидеть этих дверей открытыми до конца своих дней и делала для этого все что могла. Она была бы рада вообще никогда их не видеть. А теперь она здесь. Вместе с Михаилом, почтительно преклонившим колени.

Страх, испытанный ранее, вновь ударил прямо в сердце, как молотком по разгоряченной плоти.

Она приказала себе успокоиться. Так нельзя. Она – часть Божества и уступает лишь одной сущности. Она в совершенстве освоила науку Вспышки, и сейчас ей стало стыдно, что позволила себе прийти в такое состояние. Быстро проделав математические расчеты и дыхательные упражнения, она успокоила ум и тело. Михаил ниже ее в иерархии.

Александра вновь стала собой, вышла из тени и решительно зашагала через открытое пространство Глэйда к Михаилу, склоненному над Ящиком. Путь освещал слабый свет фальшивого солнца.

– Михаил! – командным голосом воскликнула она, хотя знала, что это не произведет впечатления на противника. – Что тебе в голову взбрело? Зачем ты сюда пришел? Даже не поговорив со мной! Перестань строить из себя долбаную монашку и встань с колен!

Говоря все это, она не сбавляла скорости, будто собираясь ринуться в бой.

Михаил и ухом не повел: он получил слишком хорошую подготовку, чтобы поддаваться на провокации.

Александра остановилась в нескольких футах от коленопреклоненной фигуры.

– Михаил, ты должен сказать мне, что случилось. Только не надо всякой чепухи про видения. Ты ведь не собираешься открыть Ящик и запустить процессы, которые нам не нужны. Мы не сможем их остановить.

Михаил молчал – даже виду не подал, что слышит. Высокого роста, крепко сложен, несмотря на возраст. Седые волосы, все еще густые, зачесаны назад, только на макушке вид-

неются зачатки лысины. От него всегда неприятно пахло, и даже в такой момент это оскорбляло ее чувства. Если у разлагающейся души может быть запах, Михаил источал его в избытке. Александра не смогла бы сформулировать, что конкретно ее смущает, но этот человек ей очень не нравился.

– Михаил, – сказала она. – Михаил!

– Я рад, что ты пришла, – негромко произнес он. – Пожалуйста, помолись со мной. Скоро что-то случится. У меня было еще одно видение: корабль в океане, который направляется сюда. Он несет перемены и смерть.

Александра не могла отвести глаз от намечающейся лысины.

– Михаил, мы одни. Здесь больше никого нет. Прекрати эти игры. Я пришла поговорить и готова тебя выслушать. Видения, молитвы, боги, демоны... Давай отойдем от Ящика как можно дальше, ладно?

Он испустил снисходительный вздох, затем разжал соединенные в молитвенном жесте руки и безвольно опустил их вдоль тела. Поднял голову и посмотрел прямо перед собой. Наконец, испытывая ее терпение, выработанное десятилетиями неустанных тренировок, медленно повернулся.

– Мы поговорим, – сказал он. – Но сначала я тебе кое-что пообещаю.

– И что же?

Михаил встал, так что теперь приходилось смотреть на него снизу вверх. Угловатые брови и скулы, квадратная челюсть.

Она тоже вздохнула.

– Нет, серьезно. Что происходит?

– Когда мы поговорим и ты узнаешь новость, то сама согласишься, что надо открыть Ящик.

– Хватит загадок, Михаил. Просто скажи наконец, в чем дело.

Собеседник ткнул пальцем вверх, в небеса.

– Он вернулся.

Молчание.

– А за ним идут другие.

Глава пятая Сонное царство

1

Айзек

После прибытия корабля прошло четыре дня – самых долгих в его жизни. Он был там, видел, как судно выползает на берег, первым встретил женщину по имени Клеттер. И при этом никто не счел нужным сообщить ему какие-то новости. Айзека мучила неизвестность. Хоть что-то бы узнать!

По острову, точно брызги соленой воды после мощной волны, разбившейся о берег, расходились слухи. «Сумасшедшая, злобная, настоящая ведьма, полное ничтожество, древняя Ава Пейдж собственной персоной»... Ничто из услышанного не имело ни капли смысла, и все же глупая болтовня продолжалась уже четыре дня.

Как и все нормальные люди, Айзек был довольно высокого мнения о себе, понимая, впрочем, что не представляет собой ничего особенного, когда дело касается острова, Конгресса и судьбоносных решений. Ему всего двадцать, и, положив руку на сердце, не такой уж он хороший кузнец. Да, с каждым днем получается все лучше, однако до совершенства еще чертовски далеко.

Айзек деловито стучал по куску раскаленного железа, как вдруг по его душу явилась Миоко. Несколько раз окликнув друга и не получив ответа, девушка швырнула ему в спину согнутый гвоздь.

– Эй, ты чего?

Он сунул горячий кусок металла в емкость для охлаждения. Вообще-то он пытался выковырять ложку, но изделие больше напоминало весло.

– Уже что-то решили?

Она нетерпеливо взмахнула рукой: заканчивай и выходи!

– Капитан Спаркс ушел на собрание! – запротестовал он. – Я здесь за главного, пока он не вернется.

– Айзек, подними свою задницу! Сзывают весь остров, чтобы сделать объявление. Просто запри дверь и выключи огонь, чтобы этот сарай не сгорел.

Айзек нахмурился.

– Выключить?

– Да, и поскорее.

Он нахмурился еще сильнее.

– Ты хоть понимаешь, что такое огонь?

2

Полчаса спустя они миновали здание школы и подошли к воздвигнутому рядом павильону – огромному тенту с десятками столиков для пикника. Перед уходом Айзеку удалось погасить огонь и обеспечить безопасность кузницы, а затем они с Миоко пробежали милою или около того до города. Крупные обсуждения в Конгрессе обычно ознаменовывались всеобщим пиром – нечто вроде примирения и восстановления солидарности после того, как лидеры часами или днями напролет кричали и ругались друг на друга. Айзеку нестерпимо хотелось услышать, как шло обсуждение и что решил Конгресс по поводу женщины, приплывшей на

корабле. Но, как всегда говорил Доминик, от бесплатной еды нельзя отказываться ни при каких обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.